

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР. ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫПУСК XI

СТРАНЫ И НАРОДЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ,
ВОСТОЧНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1971

Н. П. Шастина

ПОВЕСТЬ О СПОРЕ МАЛЬЧИКА-СИРОТЫ С ДЕВЯТЬЮ ВИТЯЗЯМИ ЧИНГИСА

Почти 90 лет прошло с тех пор, как в монголоведной литературе появилось упоминание о средневековом фольклорном произведении под названием «*Činggis boγda-yin yisün örlügü-d-tei öñüčin köbegün-ü čečelgesen šastir*» («Повесть о споре мальчика-сироты с девятью örlügämi¹, августейшего Чингиса»). Несмотря на то, что о «Повести» неоднократно упоминалось, она все еще не переведена и недостаточно изучена. Отдельные фрагменты перевода невелики и выбраны иногда случайно.

Впервые «Повесть» была обнаружена в Монголии А. М. Позднеевым, который и сообщил краткие о ней сведения. Позднеев считал, что «Повесть» первоначально состояла из девяти отдельных народных песен, которые позднее были соединены в одно произведение [5, 305]. Он предполагал издать текст и перевод во втором выпуске «Образцов народной литературы монголов». Однако обещанный выпуск так и не появился. Текст же был им опубликован [4, 42—47]. Был ли сделан А. М. Позднеевым перевод — неизвестно, во всяком случае, в его архиве, хранящемся в Ленинградском отделении Института востоковедения, до сих пор никаких следов перевода не обнаружено.

Краткое упоминание о «Повести» имеется в книге «Халха-монгольский героический эпос», где указывается, что содержание «Повести» сводится к высказываниям витязей-örlügöв по поводу пользы и вреда, приносимого питьем вина [6, 14].

Многое для исследования «Повести» сделано В. Хейссигом в его работе о летописи «Болор эрихэ» («Хрустальные четки») [13, 58—68]. В этой летописи «Повесть» приведена полностью. В. Хейссиг привлек кроме текста «Повести», содержащегося в «Болор эрихэ», еще две редакции — одну Позднеева, другую — из сборника «*Činggis qaγan-un-šadig*». Хейссиг также упоминает о третьей редакции «Повести», сохранившейся в летописи «Алтан тобчи» Лубсан Данзана. Рассматриваемые В. Хейссигом три редакции «Повести» отличаются друг от друга вступлением, в котором рассказано о пире, устроенном Чингисханом. Согласно редакции Рашипунцуга, пир устроен в 1211 г. по случаю изъятия покорности ханом карлуков Арсланом; в двух других редакциях — Позднеева и из сборника «*šadig*» — указывается, что пировали по случаю свадьбы Тэмучина и Бортэгэлджин (вероятно, в 1179—1180 гг.). Анализируя редакцию Рашипунцуга, Хейссиг приходит к сле-

¹ Örlüg — витязь, герой.

дующим выводам: 1) редакция Рашипунцуга более поздняя, чем две другие [13, 63]; 2) создание «Повести» относится к юаньскому времени (1268—1360 гг.), так как в ней говорится о вреде и пользе употребления виноградного вина (bogo darasun) [13, 62]; 3) новый способ принесения жертвы шаманским божествам и предкам разбрызгиванием кумыса был введен Чингисом [13, 59, 66].

Кроме рассмотрения этих трех пунктов В. Хейссиг проследил влияние «Повести» на более поздние произведения монгольской литературы (*инжинаши* — дидактические стихотворения). На основании сведений, сообщаемых в летописи «Болор эрихэ», В. Хейссиг считает, что редакция «Повести», в ней содержащаяся, теснее других связана с историческими событиями.

Следующее (хронологически) исследование «Повести» принадлежит Ц. Дамдинсурэну, который в своем очерке монгольской литературы посвятил этому произведению две страницы [10, 86—88]. Ц. Дамдинсурэн также опубликовал полный текст «Повести» [13, 39—43]. Ц. Дамдинсурэн считает, что «Повесть» является произведением народного творчества, а не феодального, так как в ней показана мудрость мальчика-сироты, который не то слуга, не то раб. Мотив превосходства простого арата над ханами и феодалами неоднократно встречается в монгольском эпосе [10, 86]. Ц. Дамдинсурэн подчеркивает, что нельзя считать это произведение точно отражающим исторические события. Следует считать, что оно было сочинено сказителями, слагателями стихов, что в нем имеются и «песни для седла» и «песни для хура» [10, 88]. При публикации «Повести» Ц. Дамдинсурэн перечислил все четыре известные редакции, составил из них сводный текст.

Можно сделать вывод, что «Повесть» была достаточно широко распространенным среди монголов произведением, если дошла до нас в четырех редакциях. Две из них находятся в сочинениях XVII в. Из этих редакций одна (несколько более краткая) имеется в «Алтан тобчи» Лубсан Данзана, другая — в сборнике «*Činggis qaγan-u čadig*». Третья редакция может считаться редакцией XVIII в., так как содержится в летописи «Болор эрихэ», созданной в 1774—1775 гг. Четвертую редакцию, найденную А. М. Позднеевым, датировать затруднительно. Редакции отличаются вступлениями или зачинами. Имеются также некоторые небольшие разночтения, различные написания некоторых имен.

Рассмотрим прежде всего вступления к «Повести» из редакций А. М. Позднеева, из летописей «Алтан тобчи» и «Болор эрихэ». В редакции Позднеева «Повесть» начинается следующим вступлением.

erte urida čaγ — tur
erketü tngri — yln köbegün
erkin yeke arγ — a kücütü

er — e törügсen sutu boγda Činggis qaγan

boγda törügсen qan eJen minu
Börtegeljin сеen qatun — iγen abqu — yln
türüne
yisün örlügüd tabun taylji terigülen

yerü tabun öngge dörben qari
yeke ulus — iγan qurlıaγü

«В древние времена
Сын всемогущего Тэнгри,
Обладающий силой, великим и высшим
умением,
Мужем рожденный Суту Богда Чингис-
хан²,
Священным рожденный хан, владыка мой.
Когда женился на мудрой ханше
Бörтагэлджин,
То девять витязей, пять тайджи и про-
чих
Пять цветных и четыре чужих
Великих народов собрал...»

² Эпитеты *sutu boγda* в значении «обладающий счастьем — величием, августейший» по отношению к Чингисхану часто встречаются в фольклорных произведениях.

В первой строке типичный для эпических произведений зачин; пышные эпитеты Чингиса и Бортэгэлджин также характерны для фольклора юаньского периода.

Вступительные слова к «Повести» в редакции из «Алтан тобчи» даны в прозе «tere qurim-tur yerü yisün örlüg tabun tayişi tabun ongge dörben qarı ulus qurıyaŋu qıran saŋuqi-dur...» [11, ч. 2, 3] («На тот пир собрались девять витязей, пять тайшей, пять цветных и четыре чужих народа, и когда сидели, пируя...»). Это просто несколько вводных слов; по какому поводу собрались пирующие, остается неизвестным.

В летописи «Болор эрихэ» дано довольно любопытное развернутое вступление, на котором следует остановиться подробнее. Оно начинается с прозаического текста, затем переходит в стихи, которые отличаются размером от последующих строк собственно «Повести».

«...čaŋaŋčın qonın jıŋuɖuŋar ol-u qabur Činggis qaŋan Kerülen neretü mören-dür nutu-ŋlan bükül-dür örün-e jüg-ün qalqalaqu ayımaŋ-un Aşılan neretü qaŋan Čıuggis qaŋan-dur dayaŋu irelüge. Jon-u terigün saratu Činggis qaŋan tüsimed-tür jarlıŋ bolorun. yerü man-u mongŋol-un teŋjigegsen

mal kedün jül bui bolbaču
üsiyetü dayısun luŋ-a bayılɖuqal-dur nökör-ün degedü
üldekü dayısun-u darul türgen güičegči.
ülü aldayči qabutu bayatur-ud-un jıkür
üsütü Jalaŋus-un beye-i čimegge boluŋsan
erdeni morin-u sim-e sün-ü degeŋi
erketü-yi burqan tngri-dür jalbarın ergüged
egünce sayıdur toŋtaŋaŋu bürün.
enekü mongŋol ulus-tur qaulı yosun bolŋay-a

kemen jarlıŋ bolorun. eldeb sečeg-iyer čimeggen Kerülen mören-ü serigün jölgen degere
ınu urıyangan-u jelme-ber jile tataŋulan jürčid Čuu mergen — iyer unaŋ-a bariŋulŋu dolu-
ŋan qonuŋsan-u qoyın-a boyda Činggis qaŋan öberiyen Jarlaŋu urıda ese boluŋsan törü
yosun-i sine toŋtaŋaŋu bürün. gegüü-yin sim-e öčig sačulı — yi burqan ħurban erdeni
keged tngri-ner-tür sačuŋu ergüged basa Börtečinu-a qaŋan terigülen Jalŋamjılaysan de-
gedüs-tür jorın ergüŋu bürün. tegünce öberiyen altan tabčing-tür sačuŋu tegünar ba
olan tüsimed ınu üy-e jergeber saŋun qurılmaquıdur... [12, 68—69]

В приведенном тексте вступления совершенно ясно выделяются две составные части. Прозаические пояснения обрамляют более древние стихотворные строки: «...весною в шестой год белой овцы, когда Чингисхан пребывал на реке Кэрулэн, то прибыл изъять покорность Чингисхану с Запада из области карлуков хаган по имени Ашилан³. В первый летний месяц Чингисхан тушимэлам повеленье ска- зал:

Вообще-то наши монголы возвращали
Несколько видов скота. Однако
В сражение с ужасным врагом конь — это лучший друг,
Быстро настигнет он преследуемого врага,
Не допустит стрелы ловких богатырей,
Украшением станет для юного молодца!
Сок — молоко коня драгоценного
Божеству верховному Тэнгри с молитвой подносится.
С этого времени так установлено!
Пусть станет законом этому народу монголов!

³ Это событие относится к 1211 г.

так приказал. На реке Кэрулэн в прохладной степи, украшенной разными цветами, урянхайскому Джэлмэ велел натянуть веревку для привязи [конской] и чжурчитскому Чуу Мэргэну жеребенка велел держать. После семи дней августейший Чингисхан велел оповестить всех, что им установлен новый закон, которого прежде не было,— приносить жертву соком — кумысом кобылицы Будде и Трем драгоценностям, возносить жертву тэнгриям, а также Бортэчоно-хагану и прочим следующим за ним один за другим предкам. Потом сам сидел на золотом престоле, а все тушимэлы рядами сидели, а когда пировали...».

Из приведенных примеров видно, что вступления к «Повести» очень отличаются друг от друга. Но дальнейший текст содержит лишь незначительные разночтения. Композиция произведения во всех редакциях одинакова. После вступления следуют одна за другой речи девяти витязей. По-видимому, некогда они были отдельными небольшими дидактическими стихотворениями о пользе и вреде вина. Вслед за витязями выступает мальчик-сирота, скромно сидевший у дверей и слушавший вельмож. Мальчик произносит довольно длинную речь обличительного характера, в которой подчеркивается вред чрезмерного употребления вина и осуждается поведение опьяневших. Это вызывает возмущение присутствующих вельмож, и один из них, негодуя и угрожая, произносит в ответ грозную речь. Но мальчик не испугался и ответил с достоинством, чем опять вызвал негодование вельможи. И тут в защиту мальчика-сироты вступает сам великий хаган. Он произносит иносказательное наставление вельможам и оказывает милость мальчику.

Смысл этого произведения в том, что простой и бедный мальчик, сидевший у дверей, на обычном месте слуги и рабов, произносит обличительную речь против знатных вельмож. Хан защищает его от оскорблений, говорит ласковое слово. Образ справедливого, доброго хана-владыки, как выражение народных чаяний, часто встречается в фольклоре феодальных времен.

Вероятно, композиция повести сложилась не сразу, в нее были включены не только дидактические стихи о вине, но и поучения, приписываемые Чингису, по своему содержанию близкие к собранным в «Cadig» и к так называемым «песням в седле», которые «заучивались наизусть, распевались „на седле“ и записывались в качестве обязательного наставления ханам и нойонам» [1, 104]. Эти отдельные стихотворения довольно ясно прослеживаются в «Повести». Однако за долгие годы все части произведения крепко спаялись и представляют собой единое целое. Возможно даже, что перед нами произведение одного сказителя-автора (имя которого не дошло до нас), сумевшего с тонким мастерством использовать различные фольклорные материалы.

Центральной темой «Повести» стали не высказывания о пользе и вреде вина, а обличительная речь мальчика-сироты против знати. Так, «Повесть» приобрела определенный социальный смысл. Речи же о вине составили как бы отдельную главу. Запреты пить виноградное вино превратились в поучительные стихи, произносимые девятью витязями. Порядок высказываний витязей во всех редакциях один и тот же. В написании же имен четырех ёрлүгов наблюдаются разночтения. Так, имя солдуского витязя встречается в следующих формах: *Torqon Sira*, возможно чтение *Turqin Sira* («Алтан тобчи» и редакция Позднеева), *Torqan Sira* («Болор эрихэ»), *Sorqan Sira* (сводный текст Ц. Дамдинсүрэна). Превращение имени Сорхан Ши́ра в Торгон Ши́ра можно считать попыткой летописцев XVII в. объяснить непонятное им древнее «*Sorqan*», переделанное в понятное «*Torqon*» — «шелковый», в перенос-

ном значении «избранный» от термина *torγon čerig* — «гвардия», т. е. избранное войско. Претерпело изменения и имя ойратского витязя: *Qaqaγu* («Алтан тобчи»), *Qaqa Gīrüge*, т. е. «Черная пила» («Болор эрихэ»), *Qaqa Ggīgaγu* (у Позднеева) и *Qaqa Qīgu* (у Дамдинсурэна). Имя Борухула в двух случаях написано *Boγuqul* («Алтан тобчи» и Дамдинсурэн), *Boγuγul* (Позднеев) и *Boγuγul* (у Рашипунцуга). Любопытное изменение претерпело имя Шиги Хутуха, которое Рашипунцуг именует *Siri Qutuγ*, а Позднеев *Sengge Qutuγtu*.

К каким выводам может привести анализ этих изменений? В случае с Борухулом это скорее всего описки переписчиков. В случае с Сорган Ши́ра перед нами попытка осмыслить непонятное; то же, вероятно, происходит и с именем Хара Хи́ру. Любопытное изменение произошло с именем Шиги Хутуха, который в редакции Позднеева стал называться Сэ́нгэ Хуту́гту («священный лев»). После вторичного проникновения буддизма в Монголии распространился обычай давать буддийские имена вместо древних монгольских. Имя Сэ́нгэ тибетского происхождения и значит «лев». Изображения льва как бы охраняют вход во дворцы и храмы, стоят на страже закона. Деятельность Шиги Хутуха, как верховного судьи, могла подсказать и такую замену его имени.

Имена восьми из девяти фигурирующих в первой части «Повести» витязей-о́рлүгов неоднократно встречаются и в «Секретной истории монголов», и у Рашид ад-Дина, и у Джувейни, и в «Юаньши». Это исторически существовавшие деятели времен Чингиса. О каждом из них следует сказать хотя бы несколько слов.

О Торган Ши́ра или Сорган Ши́ра рассказывается, что он был из тайчжиутского рода Солдус. Когда тайчжиуты захватили молодого Тэмучина, надели на него кангу, т. е. деревянную шейную колодку, то Сорган Ши́ра, увидев бежавшего Тэмучина, не выдал его. А потом приютил его, спас и отправил домой [16, 18—19]. Впоследствии, когда Тэмучин, уже ставший Чингисханом, раздавал награды своим сподвижникам, он не забыл Сорган Ши́ра и пожаловал его землями и званием дархана [16, 85]. Рашид ад-дин также упоминает о спасении Тэмучина солдуским Соркан-Ширэ, в такой форме он передает имя Сорган-Ши́ра [7, 86].

Вторым в «Повести» выступает с речью джалаирский Гоа Мухали. Это был один из крупнейших полководцев Чингисхана. Впервые его имя встречается в «Секретной истории», в рассказе о том, как джалаирский Гуун-у́а представил Чингисхану двух своих сыновей — Мухали и Буха и сказал: «*Bosoqa-yin činu bo'ol boltuγai*» («Пусть станут рабами у порога твоего») [16, 38]. Так началась служба Мухали у монгольского хана. Мухали стал ближайшим сподвижником Чингиса; он считался одним из четырех неколебимых героев Чингиса, получил титул го-вана⁴. При распределении воинских должностей Мухали был назначен тысячником, а потом и темником, ведающим десятью тысячами воинов левого крыла. Стратегические способности Мухали особенно ярко выявились в походах на Северный Китай, после захвата которого он был назначен наместником завоеванных областей. К нему был направлен в 1221 г. из южносунских войск посланец Чжао Хун, который так описывает его: «У них (т. е. монголов) первейший по заслугам есть тай-ши и го-ван Мо-хэй-лэ... он на аудиенции у хана был пожалован управлением главнокомандующего войсками в Поднебесной, тай-ши и го-ван — черный татарин. Вот уже десять лет он всюду со-

⁴ *Süi ong* — заимствование с китайского в значении «князь государства».

вершает карательные походы и приводит в трепет восточных варваров и тангутов. Важные дела военных походов решаются им лично. Поэтому называют его временным императором. [У него] в форме одежды и системе установлений целиком применяется этикет для сына Неба...» [3, 82—83].

Довольно подробные сведения о Мухали приводит Рашид ад-дин, называя его Мукали-гойон. Так, Рашид ад-дин отмечает, что Мухали подавил восстание чжурчженей в 1214—1215 гг. О назначении его наместником Северного Китая персидский историк пишет: «Когда Чингисхан освободился от войны с Хитаем, он назначил на охрану страны и восточной стороны Мукали-гайона с многочисленным войском» [7, 183]. Это событие датировано 1218 г. Мухали покорил еще 72 крепости и рапортовал об этом Чингисхану [7, 204]. В летописи «Алтан тобчи» сохранилась эпитаграмма на Мухали го-вана [11, ч. 2, 53].

güi ner-e-dür-lyen buu künbörge
ong ner-e-dür-lyen-buu omoγši
čingsang ner-e-dür-lyen buu čad
tayisi ner-e-dür buu tamalan.

Не отягчай имени своего, Гоа,
Не гордись именем своим, Онг,
Не величайся именем своим, Чингсанг,
Не выставляйся именем, Тайши.

В «Юаньши» приведены биографические сведения о Мухали и его потомстве при Юанях.

Третьим витязем в «Повести» назван Чуу Мэргэн чжурчитский. Под этим именем в фольклоре выступает Елюй Чу-цай, советник двух великих ханов — Чингиса и Угэдэя. Елюй Чу-цай (1189—1244) был потомком киданьской императорской фамилии. Отождествление фольклорного Чуу Мэргэна с исторически известным государственным деятелем Елюй Чу-цаем впервые было отмечено Дамдинсурэном [10, 80—81].

В монгольских летописях можно найти подтверждения высказанному Дамдинсурэном мнению. Так, в летописи «Субуд эрихэ» (Жемчужные четки) сообщается, что өрлүг Чуу-Мэргэн занимал положение советника при Угэдэй-хане [15, 611]. В летописи «Алтан тобчи» приведен рассказ о битве Чингисхана с тремястами тайчжуитами [11, 101]. В этом рассказе неоднократно упоминается Чуу Мэргэн, причем к нему относится выражение *jaу čilүge* «судьба — свобода». Смысл этих слов становится понятным в свете монгольских легенд, по которым Чуу Мэргэн был сначала пленником монголов, затем получил свободу и стал близким советником Чингиса. Об Елюй Чу-цае ходило много разных легенд, и нет ничего удивительного, что имя его попало в фольклоре в число девяти өрлүгов — витязей Чингисхана. Подробности биографии Елюй Чу-цай и его деятельности зафиксированы в надписи на его надгробном памятнике, сохранившейся на китайском языке. Исследование этой эпитафии было недавно опубликовано Н. Ц. Мункуевым [2].

Вслед за Чуу Мэргэном в «Повести» выступает с речью Богурчи из рода Арулад. Это был ближайший друг Чингисхана с юношеских лет, когда вместе с ним отправился искать восемь украденных соловых мерингов. Рассказ о возникшей дружбе изложен в «Секретной истории монголов» [16, 20—21]. В «Секретной истории монголов» имя его упоминается много раз; в монгольских летописях некоторые эпизоды из его жизни изложены в стихах. При распределении военных должностей в 1206 г. на первом великом курилтае он получил звание темника правого крыла, причем Чингисхан произнес хвалебную речь в его честь, перечислив его дружеские услуги. Богурчи был одним из четырех күлүков — неколебимых героев Чингиса. Когда Чингисхан отдавал свою дочь в жены ойратскому владыке, то наставление ей от отца передавал Богурчи [11, ч. 2, 23]. Существует фольклорный рассказ о том, что

Чингис, раздавая награды, не упомянул Богурчи, и жена последнего, негодуя на такую несправедливость, говорила ночью своему супругу:

bütükü-yin urida oçıraju
büküi ulusi quriyalçaju
bürin yeke törü-yi inu qastılçaju
būqūde eçe ülemçi kücün-iyen ökcü
eçiğe eke eme keiken-iyen orkişu
ejen tü kücün-iyen ökcü [8, 29]

Повстречался ты с ним раньше всех,
Вместе собирал все народы,
Охранял все великое правление его,
Больше всех отдавал свои силы ему!
Мать и отца, жену и детей оставя,
Владыке силу свою отдавал!

Слова эти были подслушаны и переданы Чингисхану, который щедро наградил Богурчи за его верность и преданность. Биографические сведения о Богурчи находятся также в «Юаньши» и у Рашид ад-дина [7, 267].

Пятым в «Повести» выступает урянхайский Джэлмэ, который считается одним из четырех верных псов (поqai) Чингисхана. О четырех псах в «Секретной истории монголов» упоминается дважды. Так, в § 195 приведены стихи, в которых сатирически описаны «четыре пса» — четыре верных воина Чингисхана: Хубилай, Джэлмэ, Джэбэ и Субутэй. Описание сделано в угрожающих тонах, но не следует забывать, что оно вложено в уста Джамухи, когда тот порвал дружбу-побратимство с Чингисханом и стал его врагом. Вот как описывает он четверых:

tere dörben noqais
şiremün manglaitan
şiguçi qosıyutan
şibüge keleten
temür öreten... [16, 70]

Те четверо псов
С бронзовыми лбами,
С рылами, как золото,
С языками, как шило,
С железным нутром...

В § 209 «Секретной истории монголов» приведены другие стихи, которые произносит сам Чингисхан, восхваляя своих верных четверых псов:

ede Qubılai, Jelme, Jebе, Sübegetei ta dörben noqas-ıyan sedkıgsen-bur jörıgüjü
ilebesü

gür kemeksen-dür
gürü kemkelün
qai kemeksen-dür
qada qaqaıun
çetügen çılayun-i çewülün
çegel usun-i nitulun abai-Je ta. [16, 82]

Перевод. «Эти Хубилай, Джэлмэ, Джэбэ, Субэгэтэй, вы, четверо псов моих, когда подумаю отправить вас против непокорных, то

«Идите», сказал,
И булыжник дробили,
«Старайтесь», сказал,
И скалу раскалывали,
Крепкий камень в куски разбивали,
Ключевые воды останавливали — вот вы какие!

Из приведенных примеров ясно, что слово поqai (собака, пес) считалось не бранным, а похвальным; оно содержало в древние времена понятие верности и преданности своему владыке. Значение термина поqai было выяснено М. Гаадамбой [9, 147—153].

Джэлмэ недаром попал в число четырех псов — преданных товарищей, отличавшихся храбростью и решительностью. Еще в детстве стал товарищем-слугою Тэмучину [16, 22]. Джэлмэ во время военных походов отличался сообразительностью и смелостью. Когда Чингисхан был

ранен во время боя с тайчжиутами, Джэлмэ самоотверженно ухаживал за ним, отсасывая запекшуюся кровь, доставая из лагеря врага кислое молоко, чтобы напоить хана [16, 41]. Вспомнил об этом Чингис, раздавая награды своим приближенным, и, отмечая заслуги назначенного командиром тысячи Джэлмэ, обещал простить ему в будущем девять проступков, что было особенно высокой и почетной наградой. Рашид ад-дин упоминает о Джэлмэ как об одном «из числа уважаемых эмиров Чингисхана» [7, 270].

Следующим после Джэлмэ в «Повести» произносит речь Джэбэ, который также был одним из «четырех псов» Чингиса. Слово *jebe* (джэбэ) значит «наконечник стрелы», и дано оно было Джиргадаю из рода Бесут, который, сражаясь на стороне врагов Чингиса, прострелил шею его коню. Он открыто признался в этом и просил взять его на службу, обещая служить преданно и честно:

čegel usun-ı qoqturon
čeiŋgen čilaŋun
čeiŋrū dobtulju...

ключевые воды разрушу
крепкий⁵ камень
в куски разобью...

Чингис поверил ему, взял его в свое войско и дал ему новое имя — Джэбэ. Джэбэ служил преданно, был затем назначен тысячником. О военных действиях Джэбэ много рассказывает Рашид ад-дин. Джэбэ командовал отрядом авангарда во время похода на запад и участвовал в завоевании Азербайджана, Ирака, Ширвана и многих других областей. Вместе с Субудзем Джэбэ преследовал Хорезмшах Мухаммеда [7, 256]. Был убит в 1221 г. в походе через Кавказ.

Седьмым витязем в «Повести» назван ойратский Хара Хиру. Имя его не упоминается ни в «Секретной истории монголов», ни в «Сборнике летописей» Рашид ад-дина. В списке 95 тысячников его имени нет. Его имя упоминается в летописях XVII в., да и то только в фольклоре, цитируемом летописцами. Не установлено, был ли у ойратов в XIII в. владыка, называвшийся Хара Хиру. Историческое существование его вызывает сомнение [14, 58, прим. 74].

Восьмой витязь, как и остальные, не вызывает никаких сомнений. Это был существовавший в действительности Борохул из рода Ушин. Ребенком был он найден при разгроме ставки джургинов и отдан на воспитание Оэлун-эхэ, матери Чингиса [16, 38, 83]. Он был преданным сверстником-товарищем своему хану. Смело воевал, стал командиром тысячи, но погиб он относительно молодым во время похода на хоритуматов в 1217 г., отправившись без разведки лесными тропами к вражескому стану [16, 94]. Чингис был крайне огорчен и разгневан его гибелью. Рашид ад-дин также рассказал о гибели Борохула, но в несколько ином варианте [7, 178].

Наконец, последний из девяти витязей, Шиги Хутух, представляет собой весьма примечательную фигуру среди монгольских деятелей XIII в. Он, так же как и Борохул, был воспитанником Оэлун-эхэ [16, 37, 38]. Однако имеются сведения, что его воспитала Бортэгэлджин [7, 174]. Найден он был в стане татар маленьким ребенком, одетым в соболью шубку. Он хорошо овладел уйгурским письмом, и Чингис поручил ему вести записи в синих книгах (*kökö debter bičig bičiju...*), назначил его судьей, сказав: «служи государству».

qulaqal-ı kesegēju
qudal-ı moqaŋaju [16, 78]

Уничтожая воровство,
искореняя обман.

⁵ Вольный перевод слова *čeiŋgen*, не зарегистрированного в словарях.

Обязанность судьи Шиги Хутух выполнял и при преемнике Чингиса Угэдэй-хане. П. Пауха высказал предположение, что Шиги Хутух был автором «Секретной истории монголов» [17, 190]. Подробно его деятельность была исследована и освещена на основании китайских материалов П. Рачневским [18, 87—120], который полагает, что Шиги Хутух был в какой-то степени связан с созданием знаменитой летописи, но мнение это еще требует дальнейших исследований. Год смерти Шиги Хутух неизвестен, предполагается, что он умер между 1259 и 1264 гг. [18, 116].

Таковы краткие сведения о девяти витязях-өрлүгах, которые неоднократно воспеваются в монгольских фольклорных произведениях. Невольно возникает вопрос: почему өрлүгов было именно девять? Ведь было бы правильнее считать, что героев-сподвижников у Чингиса было больше, но особенно он выделял восьмерых, а именно четырех верных псов (Хубилай, Джэлмэ, Джэбэ и Субудэй) и четырех неколебимых кўлўков⁶ (Богурчи, Мухали, Борохул и Чилаун). Как видно из «Повести», не все из этих восьми стали героями фольклора. Можно предположить, что число девять имело какое-то особое значение для древних монголов. По-видимому, оно было связано с шаманским культом и могло считаться священным. Поэтому-то к восьми исторически существовавшим героям был присоединен еще и девятый, ойратский Хара Хиру.

Предлагаемый вниманию читателей перевод сделан со сводного текста «Повести», опубликованного Ц. Дамдинсурэном.

* * *

Когда Чингисхан кочевал по реке Кэрулэн,
В первый летний месяц сказал он своим тушимэлам:
«Наши монголы выращивали
Несколько видов скота. Однако
Нет лучшего друга, чем конь, в бою со страшным врагом,
Быстро настигнет преследуемого врага,
Не допустит стрелы ловких баторов,
Украшением станет для юного молодца!
Сок — молоко коня драгоценного
Божеству верховному Тэнгри с молитвой подносится —
С этого времени так установлено твердо.
Пусть это станет законом для монгольского народа»
Сказал так.

* * *

Девять өрлүгов, пять тайджи и прочих
Пять цветных и четыре чужих народов своих,
Когда собрались и устроили великий лир,
То солдуский Сорхон Ши́ра сказал, обращаясь к владыке:
«Позволь доложить, верховный хаган, владыка мой!
Когда собрались на великое это собрание
И если б случилось, что нет вина,
То разве не стало б оно обыденным и скучным?»
Владыке с судьбой рожденному так говорил Сорхон Ши́ра,
И джалаирский Го́а Мухули, с тем согласившись, сказал:
«От вина не задерживаются ли связные слова мои?
Не возбуждаются ли кичливые, надменные мысли?
Не сокрушаются ли собранные слова мои?
Если отвергнуть вино и тяжкое пьянство⁷,
То будут тверды слова мои и тело мое здорово. Не так ли?»
Когда блестяще-рожденному Богда Го́а Мухули сказал так,

⁶ Kūlūg имеет два значения: 1) крепкая, неутомимая лошадь, аргамак; 2) человек неутомимый, непоколебимый, постоянный.

⁷ В тексте oīḡ-tu taḡu ūḡta (букв. «плохое питье с последствиями»).

Чжурчидский Чуу Мэргэн с тем согласился и молвил:
 «От вина обдуманые слова наши не становятся ли явными?
 Хорошее и плохое у нас не обнаруживается ли?
 Потаенные слова наши не выходят ли наружу?
 Низкое и высокое нам не внушает ли оно?
 С древнего времени и до нашего не рашиана ли онс?
 И для этого мира не наслаждение ли оно?
 Разве потом о нем не вспомнится?
 Если ныне от него воздерживаться,
 Станет пир этот слишком ровным!»
 Когда доложил так Чуу Мэргэн достойно-рожденному владыке,
 То арулатский кўлук Богурчи согласился и молвил:
 «То, что входит в рот твой, мало, как золотая мошка,
 То, что выходит изо рта, вырастает в слона или льва⁸,
 То, что вкушает язык, мало, как слепень или мошка,
 То, что сходит с языка, вырастает в свирепого слона —
 Разум и мудрость мои не забываются ли?
 Найденное и собранное мое не истощается ли?
 Душа моего тела не унижается ли?
 Твердо сказанные слова мои не забываются ли?
 Не будьте привержены к напиткам,
 Обсуждайте, различая хорошее и плохое⁹.
 К водке-архи не будьте привержены!
 Разные дела свои обсудив, расходитесь!»
 Когда сказал так кўлук Богурчи владыке Ухагату-хагану,
 То урянхайский Джэлмэ с тем согласился и молвил:
 «Чтобы стремиться к вину виноградному —
 На то нет приказа от Богда-владыки.
 Чтобы желать простого вина-архи,
 Нет запрещенья от владыки-хагана.
 Собираемся пить тарасун,
 Радуемся, как малые жеребята
 Рано иль поздно напьемся ведь,
 То упадем, то поднимемся, так и уляжемся.
 Сбравшись пить тарасун,
 Как серые гуси ведь радуемся!
 Милых, хороших друзей своих
 Принимаем и ведь веселимся!
 Разные желанья удовлетворив, ведь разойдемся!»
 Рожденному мудрым владыке Джэлмэ сказал так,
 И Джэбэ бесутский с тем согласился и молвил:
 «Если случится, что нет вина, разве мы [без него] не родные?
 Разве нет удовольствия нам, когда встретимся?
 Если случится, что нет архи, разве то значит, что нет и приязни?
 Разве нет удовольствия нам, что вместе с друзьями сидим?
 Воздержимся же от простого вина-архи,
 Воистину постараемся перед ханом-владыкой своим.
 О делах великого государства будем ведь совещаться,
 Ведь приготовимся к действиям возмутившегося врага!»
 Когда владыке особо-рожденному Джэбэ сказал так,
 Ойратский Хара Хиру с тем согласился и молвил:
 «Если все собрались, чтобы выпить, не радость ли это?
 Ближние, дальние, те кто услышат, разве не пожелают?
 Разве обещанье станет украшением к торопливо сказанному слову?
 Разве не тверды в сраженьях с врагами наши сердца?
 Перед владыкою августейшим
 Все собираемся выпить вина виноградного,
 Все по порядку мало ли много ли выпьют —
 Разве не веселье испытывает великий народ?»
 Когда Хара-Хиру сказал так Богда-владыке,
 То Борохул с тем согласился и молвил:
 «От любимых друзей не отвлекает ли вино?
 Шутливые и плохие мысли не порождает ли оно?
 От дружелюбных друзей не разделяет ли вино?»

⁸ Пословица, бытующая и поныне.

⁹ Эти две строки имеют характер приказа, заучиваемого наизусть, так называемые песни для седла.

Жестокие и надменные мысли не порождает ли оно?
 Вообще-то у вина виноградного мало достоинств — не так ли?
 Вообще-то вреда сокрушающего от него много — не так ли?»
 Когда Борохул избранному и верховному Богда сказал так,
 То Шики Хутух с тем согласился и молвил:
 «Это охрана свято-рожденного Богда-владыки,
 В криках своих подобная лебедям-гусям, соединясь,
 В масти своей, как дикие кони — хуланы, смешавшись,
 Вместе все собрались, ведь радуясь, веселимся!
 Это охрана достойно-рожденного хана-владыки
 В криках своих, как серые гуси, соединившись,
 В масти своей, как дикие козы, олени, смешавшись,
 Любимых, красивых друзей приняв, мы ведь радуемся!»
 Когда пред священным владыкой Чингис-хаганом
 Девять могучих героев речи окончили,
 То у дверей сидевший мальчик-сиротка
 Поднялся и, подошедши, сказал:
 «Ну-ка, войду я в ряды великих,
 Ну-ка, скажу обыкновенную речь,
 Ну-ка, войду я в ряды вельмож,
 Ну-ка, скажу обдуманную речь!» — и замолк.
 Слова те августейший владыка, услышав, сказал:
 «Невозможный маленький мальчик, что же ты скажешь?»
 Тот мальчик ответил:
 «Ведь ты величавый, пресветлый наш августейший владыка,
 Заветные речи собравшихся здесь сказать было трудно.
 Ведь ты наш хаган пресветлый и величавый,
 Заветные речи всех собравшихся произнести было трудно.
 Вот и случилось так, что есть у меня что сказать,
 Поняв то, что сказано, хоть и трудно, но я скажу сам!»
 И августейший владыка отдал приказ:
 «Если есть что сказать, говори же!
 Если хочешь шутить, скажи складно!
 Все равно, говори!»
 Услышав приказ владыки верховного и превосходного,
 Возрадовался маленький мальчик
 И по своему разумению
 Сказал о пользе и о вреде от питья вина:
 «Если пить неразумно и много, не заболеешь ли?
 Если пить понемногу, то не радость ли это?
 Если пьянствовать часто и много, то и сбеситься можно!
 Если привыкнуть к питью, то не обидно ли станет?
 Если пить постоянно, не досадно ли будет?
 Если же вдруг воздержаться, это будет разумно.
 Если пить по хорошему поводу, это радостью будет.
 Если пьянеть до того, что упал, это невежеством будет¹⁰.
 Подобно лебедям-птицам [в стаю] слетевшимся,
 Все собрались вы, желая веселиться и радоваться,
 Но, опьянев, не следите за речами лжецов —
 Не оказались бы вы среди возмущенных врагов?
 Подобно чайкам-птицам, собравшись вместе,
 Приняв мудрецов и ученых, желали бы радоваться.
 Вы, опьянев, не следите за речью болтливых людей —
 И рядами своими к рубящимся врагам не попали бы?
 Как серые гуси, клювами своими сцепившись,
 Добрых любимых друзей приняв, веселиться хотите.
 Вы, опьянев, не следите за речью злобных людей,
 Разные желанья свои выполняя, веселились бы
 И один за другим к врагам убивающим не попали бы вы?
 Как птицы-луговки, клювами своими сцепившись,
 Старейших и в возраст вошедших приняв, наслаждаться хотите
 И, опьянев, не следите за речью низких, дурных людей,
 К врагам ненавистным, не трюся, не попали бы?»¹¹

¹⁰ Речь мальчика явно разделяется на две части, каждая из которых является самостоятельным стихотворением. Здесь кончается первое из них.

¹¹ Вторая часть речи мальчика состоит из четырех строф, в которых хорошо соблюден принцип последовательного построения стихотворения.

Когда доложил свою речь мудрый мальчик Чингису-хагану,
 То Чиндага Сэчэн Хубшигур выслушал и ответил:
 «Слова девяти брлүгов неправильны, говорил ты,
 Вообще, что за слова говоришь ты?
 Все собравшиеся здесь не мудры, сказал ты,
 Хану-владыке такие слова доложил ты?
 Разве речи такие подходят для сироты?
 Не бег ли это пугливой лошади?
 Ты, как утка, тину клевал бы,
 Ты, как собака, кости отнял бы!»
 Тот же мальчик сказал:
 «Ты неправ, Чиндага Сэчэн!
 Сущность мыслей моих плохая, сказал ты. Не так ли?
 Разве я говорил, что слова девяти брлүгов неверны?
 Разве я говорил, что слова мои правильны?
 Разве я говорил, что собравшиеся все не мудры?
 В сказанном не преступал я приказа хагана-владыки.
 Когда малого человека возвысят в пожаловании,
 Разве сердятся на него?
 Когда пугливую лошадь опекают, воспитывая,
 Разве дают ей жиреть?»
 Чиндага Сэчэн Хубшигур рассердился и молвил:
 «Будь почтителен ты в речах своих складных!
 Будь почтителен ты в сказанных шутках!
 Я сокрушу твоё тело, мышцы подобное,
 Я сделаю так, чтобы все над тобой посмеялись.
 Я проколю твоё тело, огарку подобное,
 Я сделаю так, чтобы все над тобой издевались.
 Ну, тани свои речи, скверный мальчишка!
 Ты, противный, так, пожалуй, и победишь!
 Меру ты соблюдай в словах, малый мальчик,
 Ты глупец, так, пожалуй, и победишь!
 Разве я, Чиндага Сэчэн, о том не сказал тебе?
 Владыке своему Чингис-хагану я доложил.
 Разве я, Хубшигур Сэчэн, с твоими речами спорил?
 Я говорил, чтоб обдумал ты участь свою.
 Разве ты различаешь, что хорошо, а что плохо?
 Ты от жадности даже не подпустишь к незамутненному морю?
 Разве гордишься ты милостью августейшего владыки?
 Разве тебе невозможно со мной состязаться?
 Ты от жадности даже не подпустишь к драгоценному великому морю?
 Разве гордишься милостью нашего хана-владыки?
 Со мной состязаться разве плохо тебе без ответа?
 И возмущаться перед другими разве надо?
 Разве бадью ты можешь вычерпать реку Онон?
 Радугу в небе разве удержишь рукою своею?
 Разве песком ты можешь засыпать реку Эдэр?
 Разве можешь ценить ты людей уважаемых?
 Хотел бы, чтоб мысли твои были помягче,
 Хотел бы, чтоб порадовался ты словам моим правильным,
 Хотел бы, чтоб ты воздержался от злых, иных мыслей,
 Хотел бы, чтоб выправил наши неверные слова!»
 Так говорил. И Чингисхан дал наставленье Чиндаг-Сэчэну ¹²:
 «Когда очищаешь воду в колоде,
 То ведь сосудом своим не можешь,
 Не всплывшую наверх нечисть собрать,
 Если же черпать ее корытом,
 В одно мгновение осушится,
 И скверная, мерзкая грязь
 Все выйдет, от самого дна.
 Вода родника, выходя, бурлит,
 Выйдет наверх незамутненной,
 Вода родника, выходя, кипит,
 Когда почерпнут бадьей, не испарится
 Незамутненная, хорошая вода.

¹² Ср. с наставлениями Чингиса, упомянутыми в летописи «Алтан тобчи» Лубсан-Данзана, т. II, стр. 30—32, 58—60, близкими по характеру к дидактическим стихам.

Кипя, продолжает течь она! ¹³
 Воспитывая черноватую птицу ¹⁴,
 Запускают птицу ястреба,
 Увидев, его испугается и укроется,
 На землю спустившись
 В мышиной норке схоронится.
 Воспитывая птицу ястреба,
 Запускают птицу харигун ¹⁵,
 Увидав ее, высоко полетит.
 Пристанет к огромному орлу».

Такое наставление сказал.

Сын лучезарного светлого Тенгри августейший владыка
 Близ себя посадил того мальчика,
 Дал выпить глоток рашианы, меду подобной,
 Возвысил, пожаловав видеть лицо свое радостное.

* * *

Речи же девяти витязей во главе с августейшим владыкой,
 Говорившиеся меж собой о том и о сем,
 Опираясь на древние повести великие,
 Взял я из песен у них.
 Закончены речи одиннадцати мудрецов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жамцарано Ц. Ж., Монгольские летописи XVII века, М.—Л., 1936.
2. Мункуев Н. Ц., Китайский источник о первых монгольских ханах, М., 1965.
3. Мункуев Н. Ц., О «Мэн-да бэй-лу и Хэй-да ши люе» — записках китайских путешественников XIII в. о древних монголах, — сб. «Китай и Япония», М., 1961.
4. Позднеев А. М., Монгольская хрестоматия для первоначального преподавания, СПб., 1900.
5. Позднеев А. М., Образцы народной литературы монголов, вып. 1, Народные песни монголов, СПб., 1880.
6. Поппе Н. В., Халха-монгольский героический эпос, Л., 1937.
7. Рашид ад-дин, Сборник летописей, т. 1, кн. 2, М.—Л., 1952.
8. Шаратуджи, Монгольская летопись XVII века, М.—Л., 1957.
9. Гаадамба М., «Монголын нууц товчооны» нэг уран хэллэгийн учир (Об одном термине «Секретной истории монголов»), — сб. «Монголын судлалын асуудал» («Вопросы изучения Монголии»), Улаанбаатар, 1964.
10. Дамдинсүрэн Ц., Монголын уран зохиолын тойм (Очерк литературы монголов), Улаанбаатар, 1957.
11. Altan tobči, A brief History of the Mongols by blo-bzan bsTan-'jin-Cambridge, Mass., 1952.
12. Bolur Erike, Mongolian Chronicle by Rasipungsu with a critical Introduction by the Reverend Antoine Mostaert Cambridge, Mass., 1959, pt. IV.
13. Damdinsüring, Се. Mongol uran jokiyal-un degeji ja'yun bilig orošibai (Сто образцов произведений монгольской литературы), Ulaanbaator, 1959.
14. Heissig W., Bolur Erike. «Eine Kette aus Bergskristallen». Eine mongolische Chronik der Kienlung-Zeit von Rasipunzuу. Peiping, 1946.
15. Heissig W., Marginalien zur Ordos-Chronik Subud Erike, — ZDMS, 1951, vol. 100, H. 2.
16. Histoire secrète des Mongols. Restitution de texte mongol et traduction française des chapitrs I à VI. (Oeuvres posthumes de Pelliot. I). Paris, 1949.
17. Poucha, Paul. Die Geheime Geschichte der Mongolen. Praha, 1956.
18. Ratchnevsky, Paul. Sigi-Qutuqu, ein mongolischer Gefolgsmann in 12—13. Jahrhundert, — «Central Asiatic Journal», 1965, vol. X, № 2.

¹³ Здесь оканчивается первое наставление.

¹⁴ qarabtur sibayun — (род черного орла).

¹⁵ qariγun-a sibayun — название птицы.